

Клейменова В. Ю.
V. Y. Kleimenova

**ФИКЦИОНАЛЬНЫЙ МИР ВОЛШЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ
КАК ВОЗМОЖНЫЙ МИР**

THE FICTIONAL REALM OF LITERARY FAIRY TALES AS A "POSSIBLE WORLD"

Клейменова Виктория Юрьевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: victoria.kleimenova@yandex.ru

Ms. Victoria Yu. Kleimenova – PhD in Philology, Doctoral Student, Department of English Philology, A.I. Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg), Russia. E-mail: victoria.kleimenova@yandex.ru

Аннотация. В данной статье понятие «фикциональный мир» волшебной литературной сказки рассматривается в рамках логико-эпистемологического подхода и семантики возможных миров. Модель фикционального мира рассматривается как сущность, онтологически и эпистемологически основанная на модели реально существующего мира и представляющая собой целостный универсум, в котором порождения жизнеподобного вымысла сочетаются с элементами нежизнеподобного вымысла. Онтологический статус изучаемого ментального конструкта определяется как возможный мир, устанавливаются корреляции между дихотомией «персонажи – действующие лица» сказки и дихотомией «возможный мир – возможный вид мира».

Summary. The paper considers the concept of the “fictional realm” of literary fairy tales using the logical-epistemological approach and the semantics of possible worlds. A fictional world model is viewed as an entity based on the model of the real world as far as its ontology and epistemology are concerned. It is a coherent universe, a combination of elements representing two types of fiction: similar to reality fictional objects and non-similar to reality fictional objects. The ontological status of the literary fairy tales’ fictional world is defined as a “possible” world. We establish the correlation between two dichotomies: “characters – personages” in a fairy tale and “possible world – possible type of world”.

Ключевые слова: фикция, фикциональный мир волшебной литературной сказки, логико-эпистемологический подход, онтологический статус, возможность, необходимость, истинность, возможный мир, возможный вид мира.

Key words: fiction, fictional world of fairy tale, logical-epistemological approach, ontological status, possibility, necessity, truth, possible world, possible type of world.

УДК 801.73:811, 162.3:811.111

Созданный воображением автора и материализованный в художественном тексте ментальный конструкт или вымышленный мир был объектом научных исследований во многих областях гуманитаристики: в лингвистике, литературоведении, логике, психологии, философии. Мы рассматриваем этот мир в рамках логико-эпистемологического подхода, разработанного Я. Хинтика на основе предшествующих достижений логики и теории познания, а также с позиций семантики возможных миров. Целью данной статьи является определение онтологического статуса фикционального мира волшебной литературной сказки, для чего необходимо решить следующие задачи: уточнить определение понятия «фикциональный мир» применительно к указанному текстотипу, создать иерархию текстотипологических характеристик волшебной литературной сказки в рамках эпистемологических категорий «возможность – необходимость – истинность».

Современные научные публикации, посвященные проблемам текста, характеризуются многообразием подходов к описанию вымышленной действительности, репрезентированной в художественном произведении, что отражается в использовании различных терминов для ее наименования: «вымышленный мир», «фантазийный мир», «художественный мир», «возможный мир», «фикциональный мир». Для номинации целостной модели реальности, репрезентированной в тексте волшебной литературной сказки, использование последнего термина представляется наиболее оправданным в силу ряда причин. Во-первых, данное словосочетание отражает основное онтологическое свойство актуализированного в тексте ментального конструкта, а именно его вымышленность и насыщенность фикциями, то есть вымышленными феноменами, противоречащими бытию, но возможными в той модели мира, которая создана творческим сознанием автора на основании некоторого допущения. В новых условиях бытия фикции непротиворечивы, логичны и продуктивны, так как на их основе возможно создание новых фикций. Во-вторых, словосочетание «фикциональный мир» позволяет, оставаясь в рамках традиционной филологической терминосистемы, избавиться от свойственной литературоведческому термину «художественный мир» метафоричности, поскольку представленные в тексте фикции образуют универсум – целостный конструкт, изоморфный и изофункциональный миру реальному. В данной статье фикциональный мир сказочного цикла рассматривается как возможный вариант конфигурации реальности, порожденный продуктивным воображением автора на основе традиционного для данной культуры инварианта – фикционального мира текстотипа «волшебная литературная сказка».

Онтологический статус фикционального мира определяется нами как возможный мир. Логико-философское понятие «возможных миров» было сформулировано Готфридом Вильгельмом Лейбницем, по мнению которого наш мир принадлежит к бесконечному множеству возможных миров, из которых создатель выбрал тот, что ему понравился [3, 328]. И. Кант рассматривал возможный мир как мысленную перекомбинацию существующего, при создании которой Бог «целому не сообщает никаких новых определений, не прибавляет никакого нового предиката, а лишь абсолютно, или безусловно, со всеми предикатами полагает тот самый ряд вещей, в котором до того все было положено лишь в отношении к этому целому» [2, 396]. Именно кантовская трактовка возможного мира как одного из потенциальных миров, как одного из следствий проекции возможного на действительное представляется наиболее релевантной при рассмотрении фикционального мира сказки, то есть созданной авторским сознанием вымышленной реальности, которая представляет собой результат сочетания актов селекции и комбинации.

Автор выбирает и перераспределяет элементы окружающего мира в соответствии с собственным творческим замыслом. Отдельные элементы реальности, включенные в текст, нефиктивны сами по себе, а вот их сочетания представляют собой вымышленные сущности, которые формируют новый фантазийный мир, существование которого, с точки зрения автора, представляется возможным. Например, русалка – это специфическое сочетание экзистенциальных характеристик рыбы (существование в водной среде, наличие хвоста, покрытого чешуей) и девушки (верхняя часть тела, внешняя привлекательность). Современные авторы на основе традиционного фантазийного образа, созданного в результате использования процедур селекции и комбинации, создают новые фикции, соответствующие требованиям сюжета. В произведениях Дж. Роулинг русалки превращаются в живущее в подводных селениях возглавляемое старейшиной (chieftan) племя (merpeople), состоящее из мужчин (mermen) и женщин (merwomen) и говорящее на собственном языке (merspeak).

Модель фикционального мира, явленная в художественном тексте, онтологически и эпистемологически основана на модели реально существующего мира и представляет собой целостную вымышленную сущность, в которой порождения жизнеподобного вымысла, то есть аналоги реальных фрагментов окружающей действительности, познанных автором в процессе индивидуальной эвристической деятельности, сочетаются с элементами нежизнеподобного вымысла. Это соответствует постулату Л. Витгенштейна об общности вымышленной и реальной действительности. «Очевидно, что как бы воображаемый мир ни отличался от реального, они должны иметь нечто общее – некую форму – с реальным миром» [1, 35].

В то же время мир вымышленный и мир реальный не могут быть идентичными, один из них не может быть зеркальным отражением другого. «Мы отходим от реальности постольку, поскольку мы должны дойти до возможного мира, в котором контрфактическое

предположение истинно (и отходим весьма далеко, если предположение достаточно фантастично)... Мы сохраняем неизменными те признаки реальности, которые не требуется изменить, если выбирать наименее разрушительный способ сделать истинным это предположение» [4, 56].

Вымышленная реальность, репрезентированная в тексте волшебной литературной сказки, соответствует предложенному Я. Хинтикка определению возможного мира, в соответствии с которым он понимается как «возможные состояния дел или направления развития событий, совместимые с рассматриваемой установкой некоторого определенного лица. Возможно, что эти установки в свою очередь направлены на какое-то определенное лицо или на какой-то определенный физический объект» [8, 87].

Многообразие компонентов, составляющих фикциональный мир сказочного цикла, порождает вопрос о возможности создания его исчерпывающего описания в пределах ограниченного массива текстов. В модальной логике существует мнение, что это невозможно, так как «мы не можем дать исчерпывающего описания универсума, не зная всех его элементов, так же как мы не можем исчерпывающе описать бесконечный универсум, не используя бесконечное множество предложений» [8, 44]. Для решения данного вопроса мы предлагаем исходить из постулата о релятивности фикционального мира. С одной стороны, на конкретном этапе творческой деятельности предлагаемое в тексте описание следует признать исчерпывающим, так как ничто больше не придумано и не представлено читателю. Однако следует помнить о творческой активности читателя и его способности интерпретировать текст, «достраивая» неописанные автором фрагменты. Например, автор не говорит, сколько длится урок в Академии Волшебниц или сколько уроков стоит в расписании, читатель волен додумывать эти детали в соответствии со своим экзистенциальным опытом. Эти построения не нарушают исчерпанности авторского описания именно в силу своей индивидуальности и интерпретационности. С другой стороны, творческий потенциал автора позволяет ему вербализовать свои новые фантазии в последующих книгах цикла, добавлять новые фрагменты в созданный вымышленный мир при условии, что они не противоречат изначально заданным принципам его построения. Именно эта особенность миропорождения позволяет создавать сиквелы и приквелы тех сказок, которые оказались востребованными читательской аудиторией. Таким образом, описание фикционального мира сказочного цикла одновременно можно рассматривать как исчерпывающее (при синхронном подходе) и нет (при диахроническом подходе).

При рассмотрении фикционального мира текстотипа «волшебная литературная сказка» как инварианта возможных миров сказочных циклов эвристически плодотворным представляется использование предложенного Я. Хинтикка понятия «возможный вид мира». Это позволяет «давать как можно более исчерпывающие описания различных положений дел, одновременно ограничивая соответствующим образом наши средства выражения. <...> Такие описания могут содержать кванторы и связанные переменные, но не должны содержать никаких имен (разумеется, кроме тех, которые явно встречаются в изучаемых нами предложениях)» [8, 44]. Отдельно взятый цикл можно рассматривать как частичное описание возможного положения дел или как «модельное множество» в пределах возможного вида мира.

Это утверждение коррелирует с отношениями, существующими в тексте сказки между понятиями «персонаж» и «действующее лицо». По мнению В. Я. Проппа и Ю. С. Степанова, эти понятия находятся в иерархических отношениях друг к другу. Внешний вид персонажа, его конкретные поступки относятся к вариативным атрибутам и могут меняться в разных сказках, в то время как действующие лица представляют собой структурный инвариант, который остается неизменным [6; 7]. При такой трактовке «типы персонажей» (действующие лица) являются носителями соответствующих им типов предикатов (функций). Об универсальных сказочных действующих лицах (структурных инвариантах) писали многие исследователи (В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, А. Ж. Греймас и др.), которые сходятся во мнении о том, что сюжетный статус действующего лица определяется набором присущих ему функций.

В современной сказке оказываются продуктивными выделенные Е. М. Нееловым способы создания многочисленных персонажей из ограниченного числа заданных типов: путь семантической конкретизации, относящийся к области индивидуального мастерства писателя, и путь контаминации базовых фигур-персонажей, герои одновременно играют несколько

базовых ролей [5, 57-58]. Так формируется количественная специфика современных сказочных циклов. В рассмотренных произведениях присутствуют все действующие лица, а их конкретные воплощения варьируются в соответствии с авторскими проекциями реального мира на мир вымышленный. Семантическая конкретизация осуществляется за счет использования нескольких персонажей в качестве одного действующего лица, например, в роли героя.

К разряду таких «объединенных героев» можно отнести группы: Гарри Поттер – Гермиона Грейнджер – Рон Уизли (сказки Дж. Роулинг); Милдред Хаббл – Мод Муншайн – Энид Найтшейд (сказки Дж. Мерфи); Питер – Сьюзен – Эдмунд – Люси (сказки К. С. Льюиса). Контаминация достигается в тех случаях, когда один персонаж выполняет функции нескольких действующих лиц. Например, в сказках Дж. Роулинг лесничий Хагрид одновременно оказывается дарителем и помощником; в сказках Дж. Мерфи учительница Хардбрум – вредителем и отправителем. Ложный герой и антагонист совмещаются в одном персонаже, поражение/свержение которого есть неперемное условие счастливого конца: материализованное воплощение зла лорд Волдеморт и зловредная первая ученица Этель Холлоу в выше-названных сказках.

Количественные различия в системе «действующие лица – персонажи» сопровождаются качественными. Так, искомое благо – это не царевна или иной персонаж, не символ богатства, а некая социальная абстракция: восстановление справедливости, исправление негативной ситуации, поиск ценностей не материального, а духовного плана.

При рассмотрении модальной категории «истинность» применительно к фикциональному миру сказки мы будем исходить из следующего логического допущения: в процессе литературной коммуникации читатель и автор заключают негласный договор, в соответствии с которым читатель, по крайней мере, на период чтения текста, допускает возможность существования созданного авторским воображением мира. Если мы признаем, что фикциональный мир каждого сказочного цикла представляет собой модельное множество, то можно утверждать, что существует закрытое множество предложений, истинных в этом мире, который представлен совокупностью описанных состояний. Истинность высказываний, связанных с этим миром, определяется не как логическая истинность, то есть истинность во всех возможных мирах, а как относительная величина, ограниченная модальным оператором «в фикциональном мире данного сказочного цикла».

Высказывания, которые верифицируются как истинные в рамках данного фикционального мира, можно разделить на три группы на основании их совместимости с содержанием восприятия читателя и автора как ведущих антропоцентров художественного текста:

1) абсолютно истинные, то есть не противоречащие экзистенциальному опыту коммуникантов и в силу этого истинные как в инвариантном фикциональном мире текстотипа, так и в реальном. Примеры таких утверждений: «Дети учатся в школе», «Судно плывет по реке», «Люди должны регулярно питаться», «Праздник – это веселье и радость» и т.д.;

2) конвенционально истинные, то есть противоречащие экзистенциальному опыту коммуникантов, но традиционные для данной культуры и в силу этого истинные в фикциональных мирах различных сказочных циклов в пределах одного текстотипа. Примеры таких утверждений: «Ведьма летает на метле», «Волшебники бывают добрыми и злыми», «Зелье и волшебная палочка помогают творить чудеса»;

3) модально истинные, то есть противоречащие экзистенциальному опыту коммуникантов, не закрепленные традициями данной культуры и в силу этого истинные только в фикциональном мире отдельно взятого сказочного цикла. Примеры таких утверждений: «Зеленое кольцо позволяет перемещаться между мирами», «Если в случае опасности затрубить в рог, то немедленно получишь чудесную помощь» («Хроники Нарнии»), «Квиддич – любимая игра всех волшебников», «В школе магии и волшебства изучают зельеведение, предсказания и другие предметы» (сказки о Гарри Поттере), «Кланы ведьм враждуют между собой», «Алифмометр может предсказать будущее, если уметь им правильно пользоваться» (трилогия «Его темные материалы»).

Фикциональный мир сказочного цикла как модельное множество истинных предложений носит системный характер, существование каждого элемента связано и взаимообусловлено другими элементами, то есть «предложение выполнимо, если, и только если оно встречается в качестве элемента некоторого модального множества, другими словами, если и только если оно может быть *встроено* (курсив автора – В. К.) в некоторое модельное множе-

ство» [8, 46-47]. Изменения в одном из предложений (элементов) неизбежно влекут за собой изменения в других предложениях (элементах), и воображение автора ограничено требованием внутренней непротиворечивости. Например, автор вынужден давать логическое объяснение *появлению нового персонажа и его отношениям с уже известными* («Enid is newly with us this term», said Miss Hardbroom. «Mildred, Enid is to be entrusted to your care. I must point out that this is not my idea, but some strange notion of Miss Cackle's that if you are awarded such a responsibility it may actually turn you into a responsible member of the community» [9, 7]), *эмоциям и поступкам персонажей* («Sports day loomed ahead like a black cloud for Mildred, as did anything where competition was called for. She hated the idea of trying to beat other people, mainly because she never won and it was so humiliating, but also because it just wasn't her way of doing things» [9, 45]), *событиям* («Miss Cackle's birthday celebration was to be held as usual on the last day of term and each class had chosen a little chant or poem to be performed on the day» [9, 64]), *состояниям* («Like a guided missile, Mildred and the pole shot straight through one of the windows (fortunately the castle-like school did not have glass in any of them) and crash-landed in the middle of a table all set out ready for somebody's tea» [9, 55-56]).

Связь между категориями необходимость – возможность – истинность («необходимость приравнивается к истинности в каждом возможном мире, возможность – к истинности в одном из возможных миров» [8, 288]) позволяет определить статус инвариантных характеристик фикционального мира волшебной литературной сказки (специфический хронотоп, волшебство как средство организации жизнедеятельности фикционального мира, достоверность изображаемого, серьезность проблематики, динамичность текстотипа и функций «волшебной сказки», динамичность персонажей, доминирующая роль персонажа-ребенка, нарушение правила «счастливого конца») как необходимость, а дифференциальных признаков – возможность (моно- или биспациарность фикционального мира, волшебство как немотивированная характеристика персонажа или как вид профессиональной деятельности, роль персонажа ребенка, номенклатура проблем, встающих перед героями).

Возможности, в свою очередь, мы делим на две группы: обязательные для всего возможного вида мира и факультативные, присутствующие лишь в одном цикле. В зависимости от функции, которые обязательные возможности выполняют при конструировании фикционального мира сказки, они подразделяются на две группы: возможности, обеспечивающие достоверность фикциональных миров и создающие фантастичность. Достоверность создается за счет пространственно-временной и социальной организации мира, фантастичность – за счет наличия магии как компонента мира.

Могут быть эпистемически безальтернативные возможности и эпистемически альтернативные возможности. Совокупность необходимостей и возможностей и создает фикциональный мир волшебной литературной сказки, причем необходимости и безальтернативные возможности детерминируют альтернативные возможности. Требуется обязательно включить в необходимости социокультурные и хронотопические характеристики.

На основании результатов проведенного исследования мы определяем онтологический статус фикционального мира волшебной литературной сказки как возможный мир; инвариантные текстотипологические характеристики – как необходимость; дифференциальные признаки – как возможность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн, Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн; пер. с англ. В. Руднева. – М.: ИД Территория будущего, 2005. – 440 с.
2. Кант, И. Сочинения. В 8 т. Т. 1. / И. Кант. – М.: ЧОРО, 1994. – 544 с.
3. Лейбниц, Г. В. Сочинения. В 4 т. Т. 1. / Г. В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1982. – 628 с.
4. Льюиз, Д. Истинность в вымысле / Д. Льюиз // Логос. – 1999. – № 3 (13). – С. 48-68.
5. Неелов, Е. М. Волшебство-сказочные корни научной фантастики / Е. М. Неелов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 200 с.
6. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2003. – 194 с.
7. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
8. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. – М.: Прогресс, 1980. – 448 с.
9. Murphy, Jill. The Worst Witch Strikes Again. – Penguin Books, London, 2007. – 86 p.